

Демидов А.Б. Социальные и природные скрепы крупных общностей

Имея представления о разнообразных государствах, можно рассуждать о том, что такое государство и каким оно должно быть (правовым!). Но в те времена, когда появлялись первые государства, люди ещё не имели понятия государства. Они образовывали и преобразовывали свои общности, руководствуясь прагматическими, а не теоретическими мотивами. Не было длительного опыта, который научил бы, без каких социальных установлений невозможно стабильное существование крупных общностей. Да и в наше время необходимость государственной организации для необозримо-обширных общностей не является общепризнанной. Чтобы уяснить эту необходимость нужно понимать, на каких скрепах держится целостность необозримого общества. Если речь о небольших, обозримых обществах, таких как семья или община, то их связность нетрудно объяснить личным знакомством и общением каждого члена общества со всеми другими. Здесь имеет место «чувственная» связь. Нечто подобное имел в виду Гегель, когда писал: «Любовь означает вообще сознание моего единства с другим, то, что я не изолирован для себя, а обретаю моё самосознание только как отказ от своего для-себя-бытия и посредством знания себя как своего единства с другим и другого со мной. Но любовь есть чувство, другими словами, нравственность природного в форме: в государстве любви уже нет, в нём единство сознается как закон...» [2, с. 208-209]

Лев Гумилёв задавался вопросом о том, какие факторы обеспечивают те или иные формы единства людей, и соотносил виды единства с масштабами этих единств. Правда, в позднем периоде его творчества предметом внимания всё более становились единства не социальные, а этнические, которые он считал природными. В связи с этим представляется правомерным суждение С. С. Белякова: «Вопрос о государственном строе и форме правления был для него вообще малоинтересен» [1, с. 659].

В статье «Удельно-лествичная система у тюрков в VI-VIII веках: (К вопросу о ранних формах государственности)», появившейся в 1959 г., Гумилёв поставил в центр внимания вопрос о причинах

краткости существования «варварских империй». Упомянув империю Карла Великого, державу Чингис-хана и множество политических образований кочевников более раннего времени, основными объектами этого исследования автор сделал великую тюркскую державу династии Ашина и Киевскую Русь. «Варварские империи» Гумилёв охарактеризовал следующим образом: «такую империю было гораздо легче создать, чем сохранить в целости хоть сколько-нибудь продолжительное время» [4, с. 11]. Перед большинством таких держав постоянно стояла проблема предотвращения отпадения окраин. Целостность державы поддерживалась угрозой насилия: «покорённое племя было верным до тех пор, пока панцирная конница с волчьими головами на знаменах была недалеко» [4, с. 11]. Обычно век таких империй был недолог, и «если не дети, то внуки видели уже закат и распад державы». И всё же тюркская держава династии Ашина выстояла две сотни лет вместо обычных тридцати-сорока. Причину такой живучести Гумилёв усмотрел в особом установлении, которому другие исследователи не придавали существенного значения. Это установление автор обозначил выражением «удельно-лествичная система престолонаследия». Согласно порядку, заведённому тюрками, младший брат наследовал старшему, а старший племянник становился наследником дяди. Эффект получался двойной. Во-первых, близкие родственники хана, получившие в управление уделы и ожидавшие в очереди у престола, питали надежды на получение верховной власти. Это снижало вероятность отдаления уделов. Во-вторых, главой державы не мог оказаться ребёнок, не способный к управлению. Так Гумилёв показал, что без удельно-лествичной системы было бы необъяснимо сравнительно долгое существование великой тюркской державы.

В русле темы этого доклада любопытно следующее замечание: «Тюркские владыки не имели того цемента, которым для халифов дамасских и багдадских был ислам, а для китайских императоров — развитая бюрократия. Добрые чувства или личные качества наместников не служили гарантией. Необходима была его личная заинтересованность, и таковую могла создать лишь перспектива роста. Эту-то перспективу и давал лествичный, или очередной, порядок занятия престола. Первое время, пока тюркская держава была невелика, в нём не было надобности» [4, с. 12]. Здесь Гумилёв отчётливо

высказался о необходимости специальных властных установлений для сохранения жизнеспособности необозримо-обширных общностей.

Подобное учреждение возникло и на Руси. О нём было упомянуто в Никоновской летописи: «Деды наши лествицею восходили на великое княжение». Гетерогенная «держава Рюриковичей нуждалась в связующем цементе, и таковым был лествичный (очередной) порядок занятия — «золотого стола Киевского». Первые Рюриковичи горьким опытом были научены тому, что нельзя было доверять ни племенным князькам, как, например, древлянскому Малу, ни собственным дружинникам. И те и другие стремились к независимости. Попытки Святослава и Владимира разделить управление между сыновьями также отнюдь не предотвращали распрей и отпадений, но введение лествичного порядка престолонаследия сохранило целостность русской земли почти до татарского нашествия» [4, с. 21]

Учреждённый на Руси «Ряд Ярославль» мог быть заимствованием управленческого изобретения тюрков, но не менее вероятно и то, что он мог стать собственным открытием, стимулированным сходными обстоятельствами, что он «так же как и престолонаследие в роде Ашина, был результатом необходимости сохранить в целостности огромную державу со слаборазвитой экономикой» [4, с. 22].

В заключение статьи автор сделал вывод, что «удельно-лествичная система была чисто административным мероприятием и отнюдь не связана с пережитками родового строя» [4., с. 25]. Таким образом, исследованиям Гумилёва были не чужды «административные» аспекты существования общностей, в том числе и «формы правления».

Вместе с тем, впоследствии, в период разработки пассионарной теории этногенеза, государства интересовали его скорее как «вспомогательные жесткие системы». «Этнос, в идеале, — система корпускулярная, — отмечал Гумилёв, — но для того чтобы не быть уничтоженными соседями, люди, его составляющие, устанавливают выработанные или заимствованные институты, являющиеся по отношению к этносу вспомогательными жёсткими системами. Таковы, например, власть старших в роде, предводительство на охоте или на войне, обязательства по отношению к семье и, наконец, об-

разование государства. Таким образом, жесткие системы — это социально-политические образования: государства, племенные союзы, кланы, дружины и т. п. Совпадение систем обоих типов, т. е. этноса и государства или племенного союза, необязательно, хотя и кажется естественным» [5, с. 117].

Тема государства, его природы и сущности занимает в настоящее время многих людей, и не только учёных. И при этом научное понятие государства всё ещё является не вполне установившимся. Например, имеет место двусмысленность насчёт того, следует ли называть государством социальное целое или только его управляющую часть [6]. Видимо, Гумилёв не очень строго воспринимал слово «государство» в качестве научного термина потому, что отдавал себе отчёт в его недостаточной определённости. Об этом свидетельствует следующее суждение: «понятие —государство» во всех перечисленных случаях различно и при переводе незаменимо. Китайское —го» изображается иероглифом: ограда и человек с копьем. Это отнюдь не соответствует английскому —state» или французскому —état», или даже латинскому —imperium» и —republicae». Так же далек по содержанию иранский —шахр» или вышеприведённый термин —ора». ...Предмет, в данном случае государство, не идентичен» [5, с. 66-67]. Наряду со словом «государство» Гумилёв нередко использовал слово «держава», не характерное для научного лексикона, будто намекая на незначительность этого понятия в контексте его исследований.

У Гумилёва, надо полагать, имелись очень веские мотивы для смещения темы государства и вообще социально-культурной проблематики на второй план: этими предметами занимаются очень многие, тогда как ему открылось особое воззрение на сосуществование человеческих индивидов. И заменить его в деле формулирования этого воззрения было бы некому. Одной из интереснейших разработок представляется его концепция «комплиментарности». Так у Гумилёва называется чувство подсознательной взаимной симпатии или антипатии индивидов и групп, которое обуславливает деление на «своих» и «чужих». В самом деле, этот феномен заслуживает серьёзного внимания, несмотря на то (или как раз из-за того), что он не имеет рациональных оснований в сфере компетенции

производственно-экономических, социологических, политических дисциплин.

У Гумилёва было и остаётся немало критиков, а ещё больше просто несогласных с ним. И для этого имеются веские научные основания. Многим представляется, что автор пассионарной теории говорит о тех же предметах, которые обычно обсуждаются в связи с социально-исторической проблематикой. Однако при «введливом» прочтении выясняется, что, называя многие вещи обычными именами, он рассматривал их в «ином» свете. Он отмечал, что «каждое явление истории может быть рассмотрено в различных ракурсах, не подменяющих, а дополняющих друг друга: в социальном, культурном, государственном и т. д. Нам, для нашей темы, нужен этнический аспект» [3, с. 197]. Гумилёвский этнос — вовсе не то, что относится к социальной жизни и истории. Об этом сказано коротко и ясно: «Этнос — не общество» [5, с. 48]. И ещё раз о принципиальной несоизмеримости применяемых понятий: «Соотношение между социальными, политическими и этническими коллективами можно уподобить соотношению между мерами длины, веса и температуры. Иными словами, эти явления параллельны, но несоизмеримы» [5, с. 209]. У Гумилёва этнос — явление природное, не социальное, и это «при наличии творческого синтеза даёт возможность трактовать этнологию как естественную науку» [5, с. 12]. Такое объяснение снимает часть возражений против воззрений Л. Н. Гумилёва.

Литература

1. Беляков, С. С. Гумилёв сын Гумилёва / С. С. Беляков. — М.: Астель, 2012.
2. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. — М: Мысль, 1990.
3. Гумилёв, Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия / Л. Н. Гумилёв. — М., 2002
4. Гумилёв, Л. Н. Удельно-лестничная система у тюрок в VI-VIII веках: (К вопросу о ранних формах государственности) / Л. Н. Гумилев // Советская этнография. — 1959. — № 3. — С. 11-25.
5. Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. — СПб., 2001.
6. Демидов, А. Б. Двойственность понимания государства и проблема её преодоления / А. Б. Демидов // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 11 (78). — С. 90-95.